

Борис Хмельницкий

Убить Каина

Хроники 18-го века

СЫСНОЙ ПРИКАЗ

18+

Борис Ильич Хмельницкий

Убить Каина.

Хроники 18-го века

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40188889

SelfPub; 2019

Аннотация

«Русский Картуш, русский Вийон». Так именовали Ваньку-Каина его многочисленные биографы. Даже после смерти он сохранил за собой титул «первого российского вора». Перед читателем не историческое исследование и не биография героя, а художественное произведение, основанное на кратких данных Энциклопедического словаря, Википедии и сильно разбавленное фантазией автора. Поэтому в книге, наряду с реально существовавшими людьми, встречаются герои вымышленные. На обложке использована гравюра Ж. Делабарта по рисунку Г. Гутенберга "Красная площадь в конце 18 века". 1795 г.

Борис Хмельницкий

УБИТЬ КАИНА

Хроники 18-го века

«И сказал Господь; за то всякому, кто убьет Каина отмстится всемеро. И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его».

Библия. Бытие 4

«Ванька Каин – московский вор, грабитель, сыщик, доносчик и поэт. Примкнул к низовой вольнице и разбойничал. Затем вернулся в Москву, явился в Сыскной приказ и предложил свои услуги. Ему было присвоено звание «Доноситель Сыского приказа и дана в распоряжение военная команда. (...) В.К. приписывается авторство знаменитой песни «Не шуми матери – зеленая дубрава».

Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза, И.Эфрона

От автора

«Русский Кармуш, русский Вийон». Так именовали Вань-

ку-Каина его многочисленные биографы. Даже после смерти он сохранил за собой титул «первого российского вора».

Сейчас перед читателем не историческое исследование и не биография героя, а художественное произведение, основанное на кратких данных Энциклопедического словаря, Википедии и сильно разбавленное фантазией автора. Поэтому в книге, наряду с реально существовавшими людьми, встречаются герои вымышленные.

От событий романа нас отделяют три столетия. Но читатель может обнаружить в книге совпадения с настоящим временем. Ибо логика поведения человека в той или иной ситуации зависит не столько от эпохи, в которой он живет, сколько от социального устройства общества, обстоятельств и его личных пристрастий. Так считает автор.

У читателя, естественно, может сложиться иное мнение.

Часть первая. Холоп

1

Отец Иоанн, тридцатилетний священник и летописец, проживающий в келье Чудова монастыря, записал события, происшедшие в Москве.

«Страшный пожар вспыхнул вечером третьего дня. Заго-

релся дом Милославских. Сказывают, от копеечной свечки, поставленной перед иконкой пьяненькой солдатской вдовой. Загорелось, и ветер понес огонь дальше, до самого Кремля. Людей у Кремля собралось много. Тут и монахи, и рабочий люд, и негоцианты из немецкой слободы. Но не смогли мужики, вооруженные баграми да топорами, справиться со стеной огня. Стояли, смотрели, прикрываясь рукавами от невыносимого жара. Огонь двинулся на толпу, и люди брызнули в разные стороны. Покидая пожарище, нашел я в стороне книжку поэзий Опица, написанную латиницей. Книга, на удивление, лишь чуть обгорела».

Отец Иоанн закончил запись, отложил перо и взглянул на книжку, лежащую у него на столе. «Кому же она все-таки принадлежит?» – невольно подумал. Он специально ходил в немецкую слободу, людей расспрашивал, но хозяина не нашел. А на пожаре русских бар не было, только наши мужики и немцы. Но мужики не только на немецком, и на русском-то читать не умеют. Загадка...

Отец Иоанн встал, натянул скуфью, и отправился в город – потолкаться среди людей, узнать новости.

Недолго бродил по городу отец Иоанн, не на что смотреть было, почернела и опустела Москва. Тут и там торчат остовы сгоревших домов и части кирпичных печей. Прохожих мало. Погорельцы разбрелись по деревням в надежде там пережить беду, а те, кто сумел при пожаре спасти свое имуще-

ство, торопятся по домам, сунув носы в воротники полушубков: холодно.

Пустынность и мороз завели отца Иоанна в трактир на Земляном валу. Дом старый, просевший в землю, окошки почти вровень с землей. Но зато внутри тепло. Казалось бы, самое место мужикам, мерзшим на улице, здесь обогреться. Но трактирщица, маркитантка в прошлом, безденежных дальше дверей не пускает. Потому народу в трактире немного: три мужика, полицейский и два колодника в цепях. Колодники сидели у стены на корточках.

Входя, отец Иоанн впустил в трактир морозный дух. Широкое лицо трактирщицы расплылось в улыбке:

– Вовремя пришли, отче! У меня нынче вино заморское. Цвет, что кровь, а пахнет чище трав на покосе.

– Чище трав на покосах... – мечтательно произнес один из колодников.

Отец Иоанн взял графинчик вина, сел в дальнем углу, рассматривая посетителей. Три мужика показались ему немножко странными. Они сидели молча перед пустыми стаканами. У большого – косая сажень в плечах – был злой вид. Второй, вертлявый, вопросительно заглядывал ему в глаза. А третий, молодой, сидел, чуть отстранясь и обреченно опустив голову. И все трое молчали. Грозно как-то молчали, что довольно необычно для выпивающей в трактире компании.

– Ну? Долго так сидеть будешь, Ванька? – спросил большой мужик молодого.

Ванька встал, подошел к стойке и, нагнувшись, что-то горячо зашептал трактирщице. Та отрицательно покачала головой и громко сказала:

– А мне-то что до твоей беды? Я даже барам в долг не даю. Пропились, так ступайте, не хрен тут прохлаждаться!..

Ванька вернулся к своему столу и остановился.

– Прости, Семен...

– Тогда вовсе не звал бы! – зло бросил Семен. – Чего завлекать было?!..

– Отпустили бы вы меня, мужики, – жалобно попросил Ванька. – Ну, какая вам радость меня калечить?..

– Тебя отпусти, а сам под батоги ложись? – встрял вертлявый. – Барин велел Семену глаз с тебя не спускать. – И начал куражиться: – Слышишь, как на дворе воет? Это ведь это природа по тебе плачет, Ванька! Завывает, голосит аж!..

– Заткнись, Авдей, и без тебя тошно. – Семен легко хлопнул Авдея по спине, и тот уткнулся носом в стол.

Полицейскому одному пить наскучило. Он встал и направился к монаху – поговорить. Из мужиков, сидящих в трактире, никто другой для разговора его рангу не соответствовал.

– Ох, грехи наши тяжкие... – сказал он, садясь к столу. – Таскаюсь с острожниками целый день по городу, жду, кто подбросит им медяк на пропитание. А кто подбросит? Добрый хозяин в такую стужу и собаку на двор не выгонит. Мои кандальники второй день голодные ходят.

– Зимой всем не легко, – согласился отец Иоанн.

– Мог бы и губернатор из своих щедрот подкормить, раз в тюрьмах держит, – вмешался в чужой разговор Авдей. Видать мужичок был по характеру всякой дырке затычка. – А то людей в острог, а пропитание, значит, пускай сами себе ищут!

– Попридержи язык, дурень! – небрежно сказал полицейский; от завязавшейся беседы с монахом отвлекаться не хотелось. – Головы знатней твоей за такие речи на дыбе корчились.

– Я что, я ничего, – стушевался Авдей. – Я ж это так, к знакомству.

– Не обращайтесь внимания, господин полицейский, – сказал Ванька. – Убогий он, не понимает, о чем болтает.

– Сам ты убогий! – огрызнулся Авдей.

Расторопная трактирщица уже успела наполнить штоф водкой и поставила его на стол перед отцом Иоанном и полицейским.

– Это для вас с монахом, Прохор Прохорович. Отдыхайте. Я сейчас еще маринованных грибков принесу. И картошечки отварной с варяжской селедочкой.

– Неси, неси, Филипповна, – благосклонно сказал полицейский.

– Вот, Ванька, как люди отдыхать должны! – вскричал Семен. – А ты раздражил только. Кто без денег, тот не должен искать поблажки!

– Хоть бы на Рождество разговеться, – проговорил один из колодников. И обо шумно и горько вздохнули.

– Налей колодникам, хозяйка, – вдруг сказал Ванька трактирщице. – Страдальцы ведь.

– Налить не трудно. Платить, кто будет?

Ванька сдернул с головы шапку и бросил ее на стойку:

– Налей! Сил нет смотреть, как они слюну глотают.

Шапка была хорошая, отороченная мехом.

– А для меня, значит, шапки пожалел?!.. – зло проговорил Семен. – Ну, молись!..

– Им сегодня уже милостыни не достать, поздно, – попытался оправдаться Ванька.

Трактирщица покрутила шапку в руках, встряхнула и крепко прижала к пышной груди.

– Добрый ты, парень. Как перед смертью.

– Полста палок всего, – сказал Семен и ухмыльнулся. – Может, выживет.

– У тебя выживешь, как же! – Авдей подскочил к полицейскому. – Это барин еще пожалел Ваньку, всего полста палок велел отсчитать.

– За какую провинность? – поинтересовался Прохор.

– Так он книжки барские тайком таскает, – лебезил Авдей, стараясь угодить полицейскому, чтобы скрасить свою предыдущую оплошность. – Больно грамотный!

Трактирщица тем временем аккуратно спрятала шапку под прилавок и налила два по полстакана бело-мутного зе-

лья. Ванька отнес водку колодникам. Колодники жадно выпили.

– Страшно, парень? – спросил один, утирая рукавом губы.

– Спина-то, чай, моя, не чужая.

– Ничего, обойдется, – успокоил Ивана второй колодник. – Тебя бьют, а ты в голос песни ори. От боли отвлекает, и шкура вроде без чувств становится.

– За какие-то паршивые книжки человека увечить... – покачала головой трактирщица.

Семен сидел напряженно, сжав кулаки, желваки на скулах ходуном ходили, в глазах ярость. Недопивший мужик в обиде всегда страшен. Кажется, тут бы и прибил Ваньку, да нельзя при полицейском.

– Может, и не изувечу еще, может, без отяжки бить буду, – сказал. – Слыхал, что колодник говорит? Тешь меня, пойд!

Ванька молчал.

– Пой! – грозно потребовал Семен. – Пой, может, уважу.

– Ты спой, парень, – сказал отец Иоанн. – Бывает, от песни души отогреваются.

– Не могу, монах; слова в глотке комом стоят.

И тут запели колодники: на голодный желудок полстака-на водки им хватило, чтобы повеселеть. Запели хорошо, слаженно, не первый раз, видимо, этой песней себя бодрили.

Вьются лентой две дорожки,

К горькой правде мужика.

По одной дойдешь к конюшне,
Сдохнешь там от батога.
По другой взойдешь на дыбу -
Хрустнут ручки-ноженьки.
Ну, а смерти равно прибыль,
На любой дороженьке.

– Не надо – закричал Ванька. – Не надо!..

– Вот! – воскликнул Авдей. – Твои песни уже чужие люди поют, а ты кочевряжишься. Был бы как все, спина была б в целости. Делай, что велят, и всё! Тешить кого, так тешить, нужник чистить, так нужник чистить! Вот домой пришел, там уж твоя власть. Бабу в угол загнал и делай с ней что желаешь!.. – И к полицейскому, льстиво: – Верно говорю?

Полицейский хмыкнул.

– Ой, ой!.. – рассмеялась трактирщица. – Ты гляди-ка! Сморчок, его ж соплей перешибить можно, а туда же: бабу в угол загнал!..

– А ведь я люблю бить с оттяжкой, Ваня, – прорычал Семен. И тут обида накрыла его с головой, вскочил. – Вот так: из-за плеча, с выдохом – ха!.. – И взмахнул рукой, демонстрируя. – Из-за плеча, с выдохом – ха!.. А как кнут коснется спины, так руку чуть придержал и на себя! Кнут входит в тело, как нож в масло! Ха!.. – Глаза его налились кровью. Рука шумно взрывала воздух, казалось, и правда, хлыстом машет. – Как нож в масло! В кожу, в тело, в душу, бога мать!.. В кожу, в тело, в душу, бога мать!..

– Не смей богохульствовать! – сказал монах.

– А то что? – Семен дрожал от возбуждения.

– Не гневи! – вставая, сказал монах.

– Это ты меня не гневи! – Семен направился, было, к монаху, но наткнулся на суровый взгляд Иоанна и остановился.

Трактирщица в испуге присела, зажав рот ладонью, колодники опустили головы.

– Лихо, – сказал полицейский.

Трактирщица налила стакан вина и поднесла его Семену, дескать, выпей, мужик, и успокойся. Семен опорожнил стакан одним глотком, и глаза его посветлели.

– Семен, а располовинить человека сможешь? – предвкусывая ответ и веселясь, спросил Авдей.

– Располовинить? – тупо переспросил Семен.

– Ну да! Разрубить батоном хребет надвое.

– Не знаю, – пожевал губами Семен. – Не пробовал. – Оцениваяще осмотрел Ваньку, усмехнулся: – Вечером на конюшне попробую. Там уж ни монах, ни полиция тебе не защита.

Ванька от Семена глаз не отвел.

– И восстал брат на брата своего, – с грустью произнес отец Иоанн.

– И восстал! – вскричал Ванька. – Что ж теперь, ждать пока его душа от песни согреется? Сам видишь, у него души нет! А я жить хочу!.. Не видать тебе, Семка, моей спины! – И сунул руку с кукишем в лицо Семену. – На-ка, выкуси!

– Совсем от страха обнаглел, – подзуживая Семена, сказал Авдей.

– Разберемся! – прорычал Семен.

– Разберемся! – Ванька вскинул руку с кукишем вверх: – Слово и дело!..

Колодники поднялись, цепи звякнули, и в трактире сделалось тихо. Пахнуло чем-то темным, словно кто-то незримый появился в зале.

Полицейский со вздохом глянул на полный штоф и встал:

– «Слово и дело» сказано. Должен немедленно доставить заявителя в приказ в целости и сохранности. Пошли, Иван, там поведаешь, о чем «слово».

– Пошли, – весело согласился Ванька и подмигнул Семени.

Колодники и Иван потянулись к дверям. За ними двинулся полицейский, бурча на ходу:

– Вот работа... Даже отдохнуть по-человечески некогда... Ушли.

– О чем это он? – Авдей с надеждой смотрел то на монаха, то на трактирщицу, ища поддержки. – Мы же тут не причем, верно? Ну, хоть ты подтверди, монах.

– А ну-ка выметайтесь отсюда! Живо!.. – Трактирщица сдернула шестипудового Семена с лавки. – И чтоб ноги вашей тут больше не было!.. Вон отсюда, ублюдки!..

Вытолкала Семена с Авдеем за дверь, закрыла дверь на крючок, устало опустилась на лавку и сказала монаху:

– Теперь затаскают, сволочи...

2

Зимой в Москве темнеет рано. В пятом часу дня уже зажигают нововведенные масляные фонари. Фонари светят желтым светом. Сыплет снег, вьется вокруг фонарей белыми бабочками.

Полицейский вел Ваньку и колодников посреди темной пустынной улицы. Снег скрипел под ногами. Звенели цепи колодников. Звон кандалных цепей и черные фигуры людей, бредущие по белому с желтыми пятнами снегу, создавали какую-то странную, пугающую своим одиночеством и безнадежностью картину.

– Располовинить меня хотели... – бормотал Ванька. – Ничего, Авдей, ты об этом еще пожалеешь...

Полицейский прислушался и догадался, о чем собирается доносить Ванька. Он, как и трактирщица, тоже опасался оказаться в свидетелях.

– Ты только меня свидетелем не выставляй, Ваня, – сказал он. – Я в трактире не был, только на минуту зашел, вина выпить. В долгу не останусь.

Ванька посмотрел на полицейского:

– Договорились.

В конторе Сысского приказа было пусто. Дежурный следователь Белых дремал, уронив голову на стол.

Рассмотрев доносителя, спросил:

– О чем доносишь?

– Холопы боярина Мятлева Авдей и Семен поносили в трактире их сиятельство губернатора, – заявил Ванька.

– Слышал? – спросил дежурный у полицейского.

– Он не слышал, – сказал Ванька. – Он с колодниками только в дверь вошел. Трактирщица слышала. – И взглянул на полицейского. Полицейский ответил ему благодарным взглядом.

Белых заметил перегляд Ваньки с Прохором. Было что-то подозрительное в их перегляде. Но виду, что заподозрил неладное, не подал. Вмешивать полицейского в дело об оскорблении губернатора себе дороже – ляжет пятно на весь приказ, и князь обозлится. Сделать вид, что ничего не заметил, так безопаснее.

– Значит так, Прохор. Запри этого до утра, а сам возьми в казарме двух солдат, приведи обвиняемых и трактирщицу.

– Сделаю. – Полицейский повел Ваньку в камеру.

Убранства в камере – стол, две лавки и байда для отхожих дел. На столе горела лампадка. На одной из лавок лежал мужик, накрыв лицо шапкой. Когда за полицейским закрылась дверь, мужик снял с лица шапку и сел к столу. При тусклом свете лампы Ванька разглядел на лбу мужика выжженное клеймо и догадался, что там слово «ВОР», знал – так клеймят разбойников. Мужик тоже внимательно разглядывал Ваньку.

– Поговорим, что ли? В беседе ночь быстрее скоротаем.

За что в темнице?

– За правду, – сказал Ванька.

– Тут все за правду, другие в острог не попадают. – Мужик ухмыльнулся. – Однако ж весело шутишь, парень. Садись.

Слово за слово, разговорились, похоже, соскучился мужик по человеческому общению. Назвался Камчаткой, беглым с каторги. Поймали его по примете на лбу, хоть и носил шапку, натянув до бровей. И еще много чего рассказал о своей лихой жизни. Особенно страшно было слушать про каторгу в рудниках. Загоняли там каторжников под землю, в штольни. Урок на день непосильный, земля промерзлая. Вот и долбили её с утра до вечера. А если кто-то урок не выполнил, оставляли всех под землей на ночь. Ночью холод в штольне жуткий. Мужики сбивались в кучу, телами друг друга грели. Кто послабей, того на край выталкивали. Случалось, те, крайние, замерзали насмерть, их потом от других киркой откалывали.

– Сволочной мы народишко, – заключил под конец Камчатка, с осуждением в голосе. – Нам главное – свою шкуру сберечь.

– Это правда, шкуру все берегут, – согласился Иван. – Меня соседи изувечить хотели, так я тоже свою шкуру спасал.

– Это каким способом? – спросил Камчатка.

– «Слово и дело» крикнул.

Камчатка цыкнул сквозь зубы и осуждающе покачал головой:

– Нельзя так, парень. Грязная и подлая вещь – донос.

– А как иначе спастись?

– В бега идти. На волю. Без воли жизни нет, одна мука. Я тоже снова сбегу.

Долго беседовали, пока предутренний сон не сморил обоих.

За день до этого

Боярин Василий Мятлев, хозяин Ваньки, сидел в комнате, отдыхал. От натопленной печи тянуло теплом, в канделябре оплывали свечи, из горницы дворовых девок доносилась протяжная песня. Уютно. И вспомнилась ему невеста Бланка, дочь польского шляхтича Сапеги. Жаль, свадьба еще не скоро, родители Бланки настояли, чтобы молодые год «проверяли чувства». И потянуло Василия на романтику. Отправился в библиотеку, стал рыться на полках и обнаружил, что отсутствуют поэзии Опица.

Долго гадать, кто взял, не пришлось: из дворовых один только Ванька знал по-немецки, – выучил в Хайдельберге, когда обслуживал боярина во время его учебы в университете.

Холоп тут же был вызван в комнаты на правож.

Ванька вину признал.

– Как ты посмел без спроса взять книгу из библиотеки!?!.. – распаялся боярин. – Решил, что тебе всё позволено?!..

Василий Мятлев был страстен, но отходчив – легко распалялся и легко отходил. Ванька это хорошо знал, случалось такое в Хайдельберге. И потому сейчас покорно ждал, когда угаснет боярский гнев.

– Ладно, на первый раз прощаю, – успокаиваясь, сказал Мятлев. – Ступай. И книгу верни сейчас же.

Ванька изменился в лице.

– Нет книжки. Потерял на пожаре. Прости, ваша милость...

– Потерял? – переспросил, словно ослышался, боярин, и глаза его вновь помутнели от гнева. – Потерял?!..

– Там такое творилось, – бормотал Ванька. – Голову потерять можно было.

– Лучше б ее и потерял! – вскричал боярин. Сколь бы человек отходчив не был, но потеря холопом нужной барину вещи, к тому же взятой без спроса, проступок, безусловно, наказуемый. Василий дернул шнурок звонка. В комнату вбежал казачок.

– Кузнеца Семена сюда! Мигом!..

Казачок стрелой умчался из комнаты. Ванька стоял, опустив голову и переминаясь с ноги на ногу.

Несколько минут в комнате висела грозная тишина. Откуда-то из-за печи застрекотал сверчок. «Плохая примета, – подумал Ванька. – Сверчок, говорят, к беде».

В комнату, сдернув на пороге шапку, вошел Семен – огромного

роста мужик с кулаками величиной в капустную голову.

– На конюшню! – велел боярин и кивнул в сторону Ваньки. – Полста палок. Бить, не жалеючи.

– Не пожалею, не изволите сомневаться, – улыбнулся Семен. Подхватил с пола одеревеневшего Ваньку, вынес из комнаты. И тут Ваньку, наконец, пробил страх. Его затрясло, как при падучей.

Семен кликнул конюха Авдея. Оба оттащили Ваньку на конюшню, уложили на скамью, задом кверху, и привязали.

– Семен, давай завтра, – лепетал Ванька, пытаясь хоть на несколько часов оттянуть экзекуцию.

– А мне-то какая прибыль? – спросил Семен, замачивая пучок розг в ведре с водой.

– В трактир сходим, штоф водки поставлю. У меня алтын с деньгой в зашнике есть.

Семен задумался. Штоф водки ему как медведю дробина, и алтын с деньгой не великие деньги. Но с паршивой овцы хоть шерсти клок. Наказанье-то не убежит, Ванька свое все равно получит.

– Лады, завтра пойдем в трактир. А до того здесь лежишь привязанный. Пошли, Авдей.

Семен с Авдеем ушли и унесли фонарь. В конюшне сделалось темно. Ванька лежал неподвижно. В углу под сеном что-то зашуршало. В стойле заржал вороной и забил копытами. «Крысы, – сообразил Ванька. – Вот и ржет конь, боится». О предстоящей порке он больше не думал, положился

на Божью милость.

3

Отец Иоанн сидел за столом кельи и писал.

В дверь постучали. Отец Иоанн встал, открыл дверь. На пороге стояли два молодых чернеца.

– Прости, что потревожили тебя, отец Иоанн.

– Можете называть меня братом. Входите.

Чернецы вошли в келью, заговорили по очереди.

– О чём сейчас пишешь, брат? – спросил первый.

– Нам интересно, – признался второй.

– Придет время, прочту, – улыбнулся отец Иоанн. – Вы за этим пришли?

– Нет. Князь Юрьев вечерял с отцом настоятелем и попросил к себе в контору человека с хорошим почерком. Отец настоятель назвал ему тебя, – сказал первый чернец.

– Вы подслушивали? – удивился отец Иоанн.

Оба чернеца вскричали: – Нет, нет!..

– Мы прислуживали им за столом, – объяснил первый чернец.

– И отец настоятель велел тебе передать, чтобы ты утром шел в приказ, – сказал второй.

– В приказе же есть свой писец, – удивился отец Иоанн.

– Князь говорил, что их писец и палач заболели русской болезнью, – рассмеялся первый чернец.

– Оба-два в горячке лежат, зеленых чертей гоняют, – со

смехом добавил второй. – И, значит, нужно тебе идти.

– Хорошо. Передайте отцу настоятелю, что с рассветом пойду.

– И правильно; князь обещал заплатить за услугу, – сказал второй чернец и вздохнул. – Вот если бы я умел красиво писать...

Чернецы ушли. Отец Иоанн вернулся к своим записям.

Он писал:

«Снова державным указом возвращен в обиход клич «Слово и дело». И означает сей клич преступление и наказание. Страшный клич и опасный. Для всех: для соседей, для знакомых, для тех, кто даже по случаю оказался рядом с человеком, этот клич провозгласившим. Ибо не известно, хочет донести он о злодеянии, или просто желает навредить кому-то из мести, из зависти. И ведь чаще последнее. Но известно другое: за «словом и делом» следуют экзекуторы, пыточные камеры, дыба, жаровни с углями. А дале рваные ноздри, каторга. Вот и страшно. И, услышав «Слово и дело», человек поспешно крестится и шепчет: – Спаси, Господи!.. Но не уберегает Господь от пыток в Сыскном приказе. Люди, там зло творящие, и не люди вовсе, а нелюди. Не потом, не трудом своим хлеб зарабатывают, а насилием. Только для вида эти оборотни в храмах молятся, духовным отцам персты лобызают. А вне храма сатане служат, за грош родных братьев, как Иосифа, продают, над отцами,

как Хам, насмеваются. Ничего не меняется на земле. И как тут возлюбишь врага своего, Господи?»

Монах отложил перо и усталым взглядом посмотрел на икону, висевшую в красном углу. Тень от свечи шевелилась на стенке кельи и на лице Спасителя.

Иоанн вздохнул, посыпал песком запись, умылся в тазу, утерся и лег на полати. Но сон не шел. Опять и опять переживал он случившееся в трактире; видел белое от гнева лицо Семена, веселье в глазах Авдея, слышал клич Ваньки. Нельзя было к ночи поминать сатану, будь он проклят!..

Свеча догорела и погасла. Полная тьма окутала келью. Иоанн стал беззвучно молиться и вдруг понял, что идет ночью вдоль высокой крепостной стены. Земля под ногами пружинила. На гребне стены сидели вороны. Он шел мимо арки. Тьма за аркой казалась густой и плотной. И в той тьме мелькали прозрачные силуэты людей, тянуло жаром и серным духом. Вороны слетели со стен и клевали головы силуэтов. Ему стало жутко, и он побежал. Он мчался, что было сил. На бегу стал задыхаться, рванулся изо всех сил... и сел на полатах.

Тяжело дыша, он разлепил веки, огляделся и постепенно осознал, где находится. За окошком кельи серел зимний расцвет.

Отец Иоанн вспомнил, что должен идти в приказ, обреченно вздохнул, поднялся с полатей, закрыл тетрадь записей

и стал одеваться.

4

Начальник московского Сыскного приказа князь Юрьев проснулся почти в полдень. На душе было муторно из-за вчерашнего проигрыша в вист. Проиграл он генералу от инфантерии Рябинкину все наличные деньги и четыреста душ крепостных с землей.

Князь встал с кровати, босой подошел к окну, выглянул. У парадного подъезда стояли запряженные сани. Возле саней топтался кучер, ждал князя, чтобы ехать в приказ.

Полгода назад князь жил в Петербурге и служил помощником Ушакова, могущественного хозяина Тайной канцелярии сыскных дел. По долгу службы часто бывал при дворе. Веселая была жизнь, заполненная дворцовыми интригами, женщинами, картами и балами. Живи, наслаждайся. Так нет, угораздило его завести роман с фрейлиной императрицы, замужней баронессой Викланд. Барон об этом узнал и вызвал князя на дуэль. Дрались на шпагах. Юрьев проткнул барону руку. Слух о дуэли дошел до Анны Иоанновны. И императрица, не терпящая дуэлей, отлучила князя от дворца.

– Боюсь, князь, что ваше имение захиреет без хозяйского глаза, – сказала. – Поезжайте, проследите там за порядком.

Так бы и помирать князю от скуки в своем имении, в сорока верстах от Твери, если бы не защита всесильного Ушакова. Спас он своего помощника от прозябания в глуши, от-

правил в Москву, возглавлять Сыскной приказ. За полгода князь в Москве обустроился, завел знакомства, стал бывать на ассамблеях, где сдружился с таким же, как он, ловеласом, боярином Мятлевым, и присмотрел себе новую пассию – вдовую графиню Волкову.

И тут вспомнил князь, что у Волковой скоро день ангела и нужно подумать о подарке. Но о каком подарке может идти речь, когда денег нет ни шиша?.. «Что ж, попрошу у Мятлева в долг, – решил князь. – Потом из жалованья потихоньку верну».

А на душе стало еще муторней.

Выпив для настроения две рюмки анисовой, князь оделся, вышел из дома и уселся в сани. И сани в пять минут домчали его до Лубянки.

В служебной комнате перед следователем Белых стояли два мужика и баба. В углу за конторкой сидел монах и что-то писал. За спиной монаха маячил полицейский Прохор.

Увидев князя, Белых и полицейский вытянулись в струнку. Белых почтительно доложил:

– Проводим следствие, ваше сиятельство. Вчера в трактире крепостной боярина Мятлева конюх Авдей ругал генерал губернатора. А другой мужик и баба, трактирщица, свидетели.

Юрьев скривился: ну, что за день такой, не понедельник вроде, а полная гадость. Обвиняемый, выходит, собственность приятеля. Накажи его, тот может обидеться и денег в

долг отказать. С другой стороны, если хода делу не дать, и дойдет до Юсупова, возмутится тогда губернатор. А поссориться с губернатором, да к тому ж приятелем герцога Бирона... Вот и напрягайся, думай, как поступить, чтобы не задеть чувств и того, и другого. Ох, и сложная у тебя жизнь, князь. И для здоровья вредная.

– А монах что тут делает? – спросил князь, чтобы не молчать, сказать хоть что-то.

– Так писец же. Из Чудова монастыря, – доложил Белых.

– Помилуйте, ваше сиятельство!.. – Трактирщица бросилась в ноги к Юрьеву. – Ну, какая же я свидетельница; я знать ничего не знаю! Сную весь день от столов к стойке, от стойки к столам, за полушку спину гну, тут разве что толком услышишь? Да если б я такое слыхала, я бы своими руками паразиту шею свернула!..

Бабий визг штопором вкрутился в уши князя. Сразу разболелась голова.

– Пошла вон! – прорычал князь. – Вон!..

Трактирщица мигом вскочила и умчалась со скоростью скаковой кобылы, только юбки в дверях мелькнули.

– Врет Ванька! – запричитал Авдей. – Вот вам крест, врет!..

– Врет! – подтвердил Семен. – Ему соврать, что голодному сплунуть.

– Другие свидетели есть? – спросил Юрьев.

– Никак нет, ваше сиятельство! – гаркнул полицейский.

– Нужно, ваше сиятельство, самого доносчика попытать, – подсказал следователь. – Положено по инструкции. Если выдержит дыбу, значит, правду говорит.

Юрьев никогда на инструкции внимания не обращал, считал это ниже княжеского достоинства, но сейчас ею заинтересовался, – вдруг это поможет избежать обид и Мятлева, и губернатора. «Может, доносчик на дыбе от своих слов отступится, – подумал князь. – Тогда выпороть лжесвидетеля, и всё, не было никакого доноса».

– Где доносчик?

– Ванька в камере, – доложил Белых. – Я его туда отправил до полного выяснения обстоятельств. – И добавил фразу, вновь испортившую настроение князя: – Тоже слуга боярина Мятлева. Только личный, вроде камердинера.

Тьфу! И этот мятлевский! Да к тому ж камердинер, слуга в обиходе необходимый. Видно, ссоры с Мятлевым не избежать, понял Юрьев и смирился с обстоятельствами.

– Значит, так. Доносчика на дыбу, как положено, и монах пускай всё пишет, – велел он полицейскому. – А холопов пока в камеру. И не кормить. – И тут вспомнил, что сам не завтракал. – Я вернусь через два часа.

– Будет сделано в лучшем виде, ваше сиятельство! – отрапортовал полицейский.

ся из Москвы в Петербург, многое состарилось и обветшало в доме на Лубянке. Но только не пыточная камера. Камера была устроена в подвале с высокими сводами и освещалась факелами, развешанными по стенам. И всё, что надобно в ней иметь, лежало и стояло там на своих законных местах: стол с нужными пыточными инструментами, деревянные колодки для рук и головы, жаровня с углями для клеймения. И даже кресло для князя, если он соизволит присутствовать при допросе с пристрастием. Правда, чтобы чувствительное женское сердце императрицы не ранить, Ушаков велел многие пыточные инструменты не пользоваться. Но дыбу применять разрешил; убедил императрицу, что совсем без пытки правду не выяснить. Потому дыба – два столба с перекладиной, упертые в свод, и деревянное колесо с рукоятью для его вращения, были предметом особых забот палача.

Ванька висел на дыбе. Канат, связывающие его ноги с колесом, был не натянут, провисал в воздухе. Болтаться на дыбе не радостно, но пока ног не тянут и рук не выворачивают, терпеть можно.

Чуть поодаль сидел за конторкой отец Иоанн, разложив перед собой письменные принадлежности.

В стоящих среди инструментов больших песочных часах сыпался песок

Полицейский топтался возле дыбы, мастерил самокрутку.
– Смотри, Ваня, напоследок не проговорись, – шептал полицейский. – А я, сам видишь, обещаю свое держу, на дыбе

висишь – не мучаешься

– Не беспокойся.

Полицейский прикурил от факела и отошел к дверям, чтоб не дымить в камере; Юрьев запаха самосада терпеть не мог.

– Почему ты не указал меня в свидетелях, Ваня? – тихо спросил отец Иоанн.

– Ты меня защитить пытался.

– Не суйся, монах!.. – прикрикнул от дверей полицейский. – Твое дело десятое, сиди себе и записывай.

На лестнице, ведущей в подвал, раздались шаги. Полицейский мигом погасил самокрутку, бросился к дыбе, схватил рукоять колеса, крутанул, подтянул канат, но не сильно:

– Князь идет!..

Ванька притворно застонал от боли.

В пыточную степенным шагом вошел Юрьев. Взглянул на полицейского.

– Давно висит?

– Два раза часы переворачивал, – доложил полицейский. – Как положено по инструкции.

– И продолжает упорствовать?

– Правду говорю, ваше сиятельство!.. – сквозь стоны сказал Ванька. – Правду!.. Семен и Авдей в трактире поносили нашего генерал-губернатора...

– Их следователь уже допросил, вины не признают.

– Допросите их, как меня!..

– Всему свое время! – Князь повысил голос. Его разозлило, что Ванька выдержал дыбу. – По инструкции, мать твою!.. А то, что вы, мразь, смеете по пьяне трепать имя генерал-губернатора – это как считать по инструкции?!.. Прохор, ну-ка растяни его еще раз! Чтобы впредь шевелил мозгами, прежде чем «слово и дело» орать!..

– Я-то здесь причем? – завопил Ванька.

Полицейский стал медленно вращать рукоять колеса, всем своим видом показывая Ваньке, что, не желая, выполняет приказ. Веревки, связывающие Ваньку, накрутились на колесо, тело натянулось, руки стало выворачивать.

– Больно, сука!.. Больно!.. – во всю мочь закричал Ванька, уже без притворства. И вдруг захрипел песню:

У сиротки столько горя,

Куда горюшко девать?

Отнесу во чисто поле,

Ступай, горюшко, гулять...

– Поет? На дыбе?!.. – Юрьев растерялся. Он даже представить себе такое не мог.

– Хрипит уже, – сказал полицейский.

– Сними, – велел князь, удивленно глядя на Ваньку. – И приведи тех холопов. Пора кончать эту историю.

Полицейский снял с Ваньки путы, отцепил руки от перекладки. Ванька мешком повалился на пол, затем встал на четвереньки, оперся о пол локтями – кисти рук занемели – и какое-то время стоял так, набираясь сил. Юрьев с усмешкой

наблюдал за ним. Полицейский вышел.

– Скажи-ка, Иван, что это тебя честь губернатора так заботит? – спросил Юрьев.

– Жить хочу, ваше сиятельство, – Ванька встал на ноги. – Так, отче?

– Смотря каким путем жизнь сохранять, – ответил отец Иоанн и тоже встал. – Разум требует, чтобы я молчал. Но протестует душа, не ладит с разумом. Смолчать – значит, одобрить зло. Я тоже был вчера в трактире, князь. Затеваются тут неправо дело.

– Говори.

– Не о губернаторе речь шла, а о деньгах на кормление арестантов.

Прямо в дых ударили Юрьева слова монаха; арестантов-то содержат согласно указам правительства. О, черт! Дело получается не местное, мелкое, а государственное. Придется сообщить Ушакову. А тот немедленно в него вцепится, не поленится, в Москву примчится. Мятлева, конечно, потянет, его ж дворовые в деле замешаны.

И тут вспомнился Юрьеву один вечер у Мятлева. Выпили тогда много, и стал рассказывать Василий, как живет люд в неметчине. Все сами на себя работают, говорил, и ремесленники, и крестьяне. Дома ухоженные, цветочки на подоконниках. А вечерами народ отдыхает в харчевнях, грудастые немки им кружки с пивом разносят. Не то, что в наших пенатах. Князь байкам этим не верил, уж очень красочно рассказыва-

ет Василий, но из приличия слушал и поддакивал. Получается, что князь водил дружбу с человеком, хающим русскую жизнь. Начальник Тайной канцелярии тут же раскрутит историю настоящего заговора, их Анна Иоанновна пуще смерти боится. А Ушаков ей в этом потакает. Он признание из нас с Мятлевым выбьет. Мятлев первым признается, можно не сомневаться. А это – Сибирь! О, Господи, спаси и помилуй!..

– Арестанты, кормятся, как положено; тюрьма – не отдых! И правительство о них заботится! – закричал князь. – Никогда еще на Руси не было таких добрых условий для преступников!..

Ванька сообразил, чего испугался князь. Удача шла к нему в руки, не упустить бы!

– Не было слов о правительстве, ваше сиятельство. Монах – человек книжный, жизни не знает, в делах светских не разбирается. Вот и путает дела правительственные с губернаторскими. Только о губернаторе говорено было. Мол, мог бы их превосходительство лучше кормить острожников.

Князь вздохнул, сел в кресло и с одобрением взглянул на Ваньку. В данной ситуации Ванькины показания его устраивали: лучше рассориться с губернатором, чем угодить в заговорщики.

– Писать умеешь? – спросил он. Ванька кивнул. – Вот садись на место монаха и все запиши. Все подробно и точно, как сейчас сказал. И ты, монах, тоже подпишешься.

Монах кивнул и отошел от конторки, освободил Ваньке место.

Ванька сел писать.

– Пойми, монах, твоя защита, что нож у горла виновных. Тебя самого потрясти надо бы: крамольные вещи слушал, не вмешался, не заткнул рты холопам. – Князь уже окончательно успокоился. – В другой раз думай о последствиях. – И направился к Ваньке, чтобы убедиться, что тот пишет только правильные и нужные вещи. Заглянул через плечо и изумился: Ванька писал по-немецки.

«Будто при императрице служил» – подумал князь и спросил: – Ты что, немец?

– Русский, ваше сиятельство.

– Так и пиши по-русски.

– По-русски не умею, неграмотен. – И, видя изумление князя, объяснил. – Я немецкий выучил при барине в Хайдельберге. Он вслух слова повторял и пальцем по книге водил, а я позади него стоял, вот и запомнил.

И тут отца Иоанна осенило: книгу Опица взял и потерял Ванька. За что и отправил боярин его на конюшню.

– Ну, дописывай! – сказал Юрьев и крикнул: – Заводи виноватых, Прохор!..

Полицейский ввел в пыточную Семена с Авдеем. Авдей прямо с порога затараторил:

– Врет Ванька, ваше сиятельство! Всё врет! Ему соврать, что голодному сплюнуть!..

– А это мы сейчас проверим. Отопрешься на дыбе, значит, повезло, значит, в рубашке родился, – сурово сказал князь. – Начинай, Прохор.

Полицейский потащил Авдея к дыбе. Авдей верещал, упирался.

Ванька оторвался от записи, поднял голову.

– Погодите, ваше сиятельство. Велите Семену поработать, пускай отсчитает Авдею полста палок. Без дыбы обойдетесь.

– А что, это мысль, – согласился, подумав, князь. – Вор вора пытается, чтобы установить истину. Можно рассказать этот анекдот на ассамблее у Волковой.

Ванька улыбнулся.

«Так вор вора и охранять может!.. – внезапно пришло в голову Юрьеву. – Нужно непременно составить записку для Ушакова, чтобы распространить это на всю державу. Большая экономия казенных средств...»

Возбужденный удачной мыслью, и, спеша проверить её на практике, Юрьев живо повернулся к Семену:

– Готов?

– Завсегда готов. Разомнусь только... – Семен направился к столу, выбрал себе плеть по руке. – С таким инструментом любую душу можно наружу вывернуть, ваше сиятельство, – одобрительно сказал он.

– Помилосердствуй, Сема, – запричитал Авдей. – У меня же трое детей малых! Катеньки всего годик. Ты же сам ее на закорках возить любишь! Не калечь, не сироти детей, они же

без отца по миру пойдут!..

– Давай, Авдейка, скидай портки и падай на лавку. После поголосишь, – велел Семен, помахивая плетью.

Авдей упал на колени и пополз к князю.

– Признаюсь! Во всем признаюсь! Пьяным был, ваше сиятельство! Туман в глазах стоял, язык сам по себе ворочался.

Князь со смешанным чувством страха и удовольствия наблюдал эту сцену. Отец Иоанн и полицейский были спокойнее, нечто похожее они в трактире уже видали.

– В кандалы его! – распорядился князь. – А ты, Семен, с утра сюда явишься, заменишь пока нашего палача. Я с твоим барином договарюсь. Старайся только.

– Уж постараюсь, ваше сиятельство. – Голос Семена звучал угрожающе. Он повернулся к Ваньке. – Ну, думал, донесешь, так уйдешь от меня? Не уйдешь! Погоди, вот домой вернемся!..

– Червь ты, Семка, – сказал Иван, вставая из-за конторки. – Червь навозный. В дерьме твое место. Я тут все записал, ваше сиятельство. Всё как нужно.

И круто развернувшись, выбежал из пыточной.

Юрьев не остановил, лишь проводил глазами. Подошел к конторке, взял лист, исписанный Ванькой, прочел.

– Пишет правильно, – проговорил он. – Умный малый.

– И добрый, – дополнил отец Иоанн.

– Ничего, жизнь ожесточит, – сказал Юрьев. – Ступай, монах, ты на сегодня свой урок выполнил. Завтра придешь, со-

ставим вместе докладную генерал-губернатору.

Отец Иоанн быстро покинул камеру, спеша догнать Ваньку, чтобы сообщить, что книга нашлась. Но Ваньки уже и след простыл.

6

В надежде найти Ваньку, отец Иоанн на другой день сунул книгу в сумку и отправился в дом боярина Мятлева.

Дом был трехэтажный, но узкий, с немецкими выкрутасами – большими окнами, эркерами и небольшим – только ноги поставить – балкончиком на втором этаже. Справа и слева к дому лепились две постройки для челяди – одна для мужиков, другая девичья. В саду среди деревьев стояла часовня. Так Мятлев перестроил усадьбу по своему вкусу, вернувшись из Германии.

Отец Иоанн постучался в одну из построек. И, на свою беду, попал в девичью. Девки, естественно, бродят разобранные, кто в чем, некоторые и вовсе голые. Завидев монаха, завизжали, бросились, прикрываясь, врассыпную. Монах едва спасся. Зато в мужской пристройке встретили его подобающим образом. Но где Ванька мужики не знали: не появлялся тот дома. Ни он, ни Авдей. Хоть ушли втроем с Семеном. Семен, правда, ночует, но от вопросов отмахивается, бирюк. А с утра опять куда-то сбежал. Может, где Ванька и Авдей, барин знает.

Отец Иоанн и сам знал, где Авдей. А где Ванька – стал

догадываться. Но к Мятлеву решил зайти, книгу все равно отдать нужно.

Лакей в ливрее с позументами доложил о приходе монаха.

Мятлев принял отца Иоанна в большой светлой комнате. Сам в халате, измазанном красками, палитру и кисти в руках держит. Малевал, значит. Ну, кто бы мог подумать, что боярин таким низким ремеслом занимается!..

– Мыслишь по старинке, монах, – усмехнулся в ответ Мятлев. – В Европе живопись низким ремеслом не считается. В знатных домах барышень даже специально рисовать учат. – И подвел отца Иоанна к мольберту. На треноге стоял портрет молодой женщины.

– Ну, оцени.

– Красивая, – ответил отец Иоанна.

– Невеста моя, – любовно глядя на портрет, сказал Мятлев. – Скоро домой привезу, семейным человеком стану.

– Бог в помощь! – пожелал отец Иоанна и достал из сумки книгу. – Твоя, боярин?

– А, нашлась, – равнодушно взглянув на книгу, сказал Мятлев. – Где взял?

– У Кремля на пожарище.

Боярин хмыкнул:

– Я думал, что Ванька врет.

– А где он, не знаешь?

– Думаю, отлеживается в холопской после порки.

– Нет там его. – Отец Иоанн подробно рассказал Мятлеву,

что случилось вчера в пыточной.

– Считаешь, в бега подался?

– А что ему еще оставалось?

– Не бегать от наказания. Виноват – отвечай. – И тут Мятлев, заметив неточность в портрете своей невесты, тронул кистью краску и подправил портрет. – Так лучше, верно?

Отец Иоанн внимательно взглянул на боярина.

– Ты бы не подавал его в розыск, ваша милость. Поймают, вернут его тебе избитым до полусмерти. Жалко парня.

– Жалко, согласен, – откликнулся боярин. – Но в розыск подам; самовольства терпеть нельзя. К тому ж новый камердинер мне не меньше, чем в сто рублей обойдется. Большие деньги, отче, такими деньгами я не разбрасываюсь.

Часть вторая. Скоморох

1

Возле постоянного двора, расположенного на краю Москвы при почтовой станции, горел огонь в бочках, чтобы отгонять зверье. Эта мера была необходима – оголодавшие за зиму волки порой даже в самую Москву забегали. Вот и сейчас огонь отражался в блестящих глазах волков, мелькающих за деревьями.

Ванька сидел в большой комнате для постояльцев, думал куда податься. Решил идти в Тулу. Путь туда, конечно, не близкий, но зато там, в царском оружейном заводе, можно укрыться от розыска. Кроме Ваньки в комнате сидел ка-

кой-то барин и за другим столом еще трое хмурых мужиков. Из мешка, лежащего рядом с ними на лавке, торчал гриф балалайки.

С лестницы, ведущей на второй этаж в спальные комнаты, спустилась простоволосая женщина со свечей в руках, подошла к барину:

– Комната готова, ваша милость.

Барин встал.

– Хорошо. И скажи мужу, чтоб карета была готова к расвету.

Барин поднялся на второй этаж, а женщина повернулась к мужикам:

– Гасите лампаду, ироды. Муж узнает, что я вас пустила, беда случится.

Набросив на голову платок, она вышла. Из окошка было видно, как она промчалась к дому смотрителя.

– Спим! – сказал один из мужиков, видимо, главный, и погасил лампаду.

В темноте мужики улеглись на лавки. Ванька тоже устроился.

Утром, когда Ванька проснулся, мужики уже сидели за столом. На столе лежала снедь: хлеб, соленые огурцы, чеснок, вареный картофель, стояли кружки, наполненные мутной белесой жидкостью.

Ванька, почти сутки не имевший во рту ни крошки, сглотнул набежавшую слюну. И невольно, повинувшись зову брюха,

встал, приблизился к мужикам. Главный заметил Ванькин маневр:

– Голодный? – И, угадав по глазам ответ, протянул Ваньке краюху хлеба. – Ну, садись, выпей с нами за упокой души Иннокентия.

– Хороший мужик был, вчера помер, – добавил второй мужик, подвигая к Ваньке кружку с водкой.

Выпили молча, не чокаясь; закусили. По комнате разнесся чесночный дух. Ванька вгрызся зубами в хлеб.

– Отпели уже? – спросил он, жуя.

– Нас не отпевают, церковь не разрешает, – сказал главный. И, поймав удивленный взгляд Ваньки, объяснил: – Скоморохи мы. Попы нас сатанинским отродьем считают. Похоронили в лесу без отпевания.

Перезнакомились. Главного звали Демидом, двух других Афанасий и Архип.

– Ну, а сам-то ты кто? Куда идешь?

– Никто, просто Ванька. Иду в Тулу в заводе работать, – весело ответил Ванька, захмелевший от водки. И потянулся рукой к грифу, торчащему из мешка. – Можно?

Мужики переглянулись. Афанасий достал балалайку, вручил Ваньке.

– Попробуй.

Ванька бережно взял балалайку, тронул пальцами струны, прислушался к звуку, подкрутил немного колки и запел.

Давайте-ка, други, еще поживем.

А умрем – как и все остальные сгнием.

У бояр и холопов там общий приют:

Без чинов Богом данные черви сожрут...

Мужики одобрительно закивали, вразнобой заговорили:

– Идем с нами, парень. В Нижнем Новгороде большая ярмарка, потихоньку к весне поспеет. Песни свои споешь.

– Да я со всей душой! – радостно воскликнул Ванька. – Всё равно куда, лишь бы с компанией и от Москвы подальше.

– Я, значит, Петрушка, Афанасий – козел, Архип – медведь. А ты чертом у нас будешь. Как Иннокентий, земля ему пухом, – сказал Демид.

– Да хоть горшком, – улыбнулся Ванька и полез в печку, выгреб остывшие угли.

– Ты чего? – поинтересовался Афанасий.

– Буду черта из себя рисовать. – Ванька завернул угли в тряпицу. – Мне только еще рога нужны.

– Рога есть, – сказал Архип.

Посидели задумчиво, как всегда бывает с людьми перед неизведанной дальней дорогой.

– Ну, тронулись, – сказал Демид и встал.

Пошли. Снежная, укатанная почтовыми каретами и санями дорога вела через черный лес. Издалека доносился волчий вой. Ванька шел, содрагаясь от страха. Мужики поняли его состояние, успокоили, показав ножи и два пистолета:

– Отобьемся!

Так и шли день за днем. Останавливались в деревнях, раз-

влекая песнями и плясками деревенских и кормясь их дарами. Большие села старались обходить стороной, чтоб лишний раз с попами не сталкиваться.

2

Пришла весна. И не по времени теплая. Солнце пригрело; осел и почернел снег. В деревнях стало голодно, кормиться трудно, – крестьянам самим не хватает. А тут, ко всему, разверзлись, как говорят, хляби небесные – пошли весенние дожди и грозы. Дороги развезло. От деревни к деревне едва тащились, выдирая ноги из дорожной грязи. В последней деревне пришлось задержаться, дальше путь преграждала река, которую уже не перейти – местами лед истончился.

– Пойдем вниз по реке Пекше в вотчину князя Ямского. Там село большое, богатое, – предложил Архип. – Ям, называется. И князь там чудной, сказывают.

– Так там, наверняка, и поп есть, – сказал Афанасий.

– Говорю же, князь чудной, с попами не ладит.

Что делать, рискнули. Взвалили на плечи потяжелевшие мешки с зимней одеждой и нужными для представления причиндалами и тронулись в путь. Ночью развели костер, грелись. Для прокорма удалось застрелить двух токующих глухарей.

На третий день дошли. Поднялись на пригорок. Перед ними раскинулось вдоль реки большое село Ям, дворов сто, наверное. Виден был княжий дом с башенками, купол церкви

и колоколья. Для осторожности решили не переодеваться, войти в село мужиками, бродящими в поисках заработка. А там видно будет.

– Ну, с Богом! – сказал Демид.

Спустились с пригорка. Мужиков на улице не было, одни бабы да босота малая. Мальчишки обручи катают; бабы – кто белье во дворах развешивает, кто ведра с коромыслами от реки тащит. Одна из баб указала им избу старосты.

– Насчет работы, это не ко мне, – сказал староста. – Это к управителю. У нас тут всё заведено, как положено.

Дом у управителя был знатный, в два этажа, первый этаж каменный. Староста велел мужикам ждать, а сам пошел в дом.

Управитель вышел к ним на крыльцо. В добротном кафтане, в сапогах – прямо барин. Скоморохи сбросили шапки.

– Сможете лодку в порядок привести?

– Сможем, – ответили хором.

Управитель велел старосте дать им еды, водки для куража в работе, и отвести на место.

Лодка стояла на берегу озера возле сарая. Правда, это только название, что лодка. А на деле – почти корабль с палубой и надстройкой. За зиму доски немного скукожились, в бортах лодки образовались трещины.

– Нам бы инструменты, – попросил Архип.

– В сарае, в сундуке лежат, – указал староста.

– А смола?

– Тоже в сарае. И смола, и веревки. Приступайте. – И ушел.

– Ты откуда о смоле знаешь? – поинтересовался Демид.

– На верфи работал, – объяснил Архип. И на правах человека, знающего корабельное дело, стал распоряжаться. – Полезли в лодку, проверим, что прогнило, что отсырело за зиму.

Вытащили из сарая лестницу, приставили к борту, влезли на палубу. Двое остались на палубе, двое полезли в трюм, проверить ребра бортов и днище.

Пока возились, солнце покатилося вниз на запад. Стало холодать. Снизу раздался бабий голос:

– Эй, работные!.. Пора вечерять!..

Это две бабы принесли обещанный управителем харч – котел с варевом и водку.

Спустились, достали из котомок ложки и расселись вокруг котла. Для начала выпили, пустив бутылку по кругу.

Поели, согрелись водкой, стали смотреть на закат над рекой. Небо и река дышали волей. И вдруг им стало тоскливо: что-то еще ждет впереди? Неужто опять дорожная грязь и ночевки в сыром лесу?..

– Ты бы спел, Ваня, – попросил Демид.

Ванька кивнул, запел, о чем все они сейчас думали, на ходу подбирая слова для рифмы.

Дул холодный ветер в поле,

Заунывно пела выюга.

Шли, свою, оплавав, долю
Скоморохи – други.

Через лес и через горы
Гнал их голод в путь.
Тащится за ними горе,
И с дороги не свернуть...

Ванька пел с душой. «Други» слушали песню и не заметили, как к ним сзади подошли управитель с князем. Князь, маленький, седовласый, управителя рукой придержал, не мешай, мол. И когда Ванька допел, сказал:

– Славно поешь.

Мужики повернулись, по тканому золотом камзолу поняли, что перед ними сам хозяин, вскочили.

– С таким голосом тебе не тоску наводить, а народ веселить надо, – сказал князь.

– Так он и вселит, – признался Демид. – Скоморохи мы, ваша милость. – И тут же засомневался, нужно ли было говорить правду. Благожелательный взгляд князя вызывал доверие, но взгляд взглядом, а что человек при этом думает, не известно. Зачастую от правды только вред.

– Скоморохи? – Князь повернулся к управителю. – Что ж ты их в корабельщики записал?

– Так не сказали же, Павел Николаевич.

– Определи их на постой в людскую, в субботу покажут

людям свое искусство, – решил князь. – К лодке староста пусть других поставит.

Демид вздохнул с облегчением: обошлось, не прогнал князь, напротив – приветил.

3

Мужики устроились в барской людской с удобствами. И пока в сытости развлекали байками дворовых, слух о скоморохах разнесся по селу и дошел до приходского священника. Священник был молод и честолюбив. Стремясь заслужить одобрение епископа и получить приход в большом городе, даже не женился. Появление в селе скоморохов воспринял, как удачу: появилась возможность привлечь к себе внимание начальства. И стал смущать прихожан.

– Скоморохи есть оборотни, – говорил он. – Сатане молятся, на освященных кладбищах бесовское действие народу являют. Забыв Бога, сходятся вечером на улицах, богомерзкие пляски устраивают, скверные крамольные песни орут, личины зверей на себя накладывают. И велено иерархами нашими их изгонять из сел, а бесовские бубны, гудки и хари звериные отнимать и жечь.

Управитель сообщил о речах священника князю.

– Дурак наш поп, – усмехнулся Павел Николаевич. – Дремучий, как пень замшелый, на триста лет опоздал родиться. Сейчас даже сама императрица театр при дворе держит. Ладно, при случае поговорю с епископом, пусть растолкует

болвану.

А священник не унимался, продолжал свои речи.

Уже и князя ругать начал. Скоморохам стало неудобно ходить по селу, – бабы глаза опускали, проходя мимо, мальчишки кидались комьями грязи. Задумались о том, чтобы покинуть Ям. Но управитель удержал.

– Не обижайте его милость, – сказал. И пообещал денег за выступление.

Поскольку днем тепло, устроили представление на берегу у лодки. Народу пришло много, но не все, на некоторых слова священника подействовали. Для князя поставили кресло. Павел Николаевич явился со всей своей дворней.

Скоморохи укрылись в сарае, развязали свои мешки, достали маски, водрузили их на головы, вывернули полушубки мехом наружу, надели на голый торс. Ванька привычно намазал рожу углем, прицепил рога. Медведь и козел под звуки бубна и звон колокольчиков выскочили на поляну, притворно бросились на людей. Медведь рычит, бьет в бубен, козел блеет, баб рогами боднуть пытается. Бабы от козлиных рогов шарахаются, к мужикам жмутся. А мужики ничего, смеются. Но когда козел и медведь дружно заорали: – «Водки хочут!...» – тут и бабы развеселились.

– Себя узнаешь? – повернулась одна из них к мужу.

– Отстань! – и к соседу: – Сколько ж такому медведю надо?

– Бадью, думаю.

– Бадью не бадью, а бутыль сглотнет, не заметит, – вмешался третий.

Появился Петрушка и объявил, что сейчас будет бороться с чертом.

– Ну-ка, бес, выходи!

Ванька выскочил. Рожу скорчил, взвыл, заскакал из стороны в сторону. Увидев черта, мужики и бабы креститься начали. Ванька в образ вошел, орет благим матом:

– Не смей креститься! Не смей! Не то отправлю всех к чертовой бабушке!..

– У тебя что, и бабушка есть? – удивился Петрушка. – Ну-ка, изобрази, как она выглядит?

Ванька головой завертел, словно ищет что-то. Медведь и козел тут как тут – подали ему метлу с платком и бабью юбку. Ванька в юбку влез, платок поверх рогов повязал, вскочил на метлу и помчался по кругу с гиканьем. В скачке устроил такую рожу, что все заржали. И князь улыбнулся.

Представление, давно проверенное в деревнях, шло своим чередом. Петрушка гонялся за чертом, угрожая палкой. Черт удирал, вскочив на козла, погонял его ударами пяток. Затем черт сыграл в прятки с медведем на щелбаны. Медведь выиграл, и от каждого щелчка черт падал на землю, корчился; прощаясь с жизнью, звал попа, чтоб грехи отпустил.

– Наш поп суров, – лукаво усмехнулся князь, вступив в игру. – Он черту спуску не даст.

– Значит, помру без покаяния, – выл черт.

И, наконец, взмолился:

– Что хочешь, сделаю, Михайло, только больше не щелкай меня по лбу.

– Пусть споет, – подсказал медведю Петрушка.

– Не надо! – закричал козел. – У черта песни срамные, а тут дети и бабы!

– Пускай поет! – хором потребовали мужики. А бабы, естественно, насторожились. Некоторые даже уши из-под платков вытащили, чтобы лучше слышать.

Ванька вытер пот со лба, взял балалайку, запел:

Шел я лесом, видел беса,

Бес картошечку варил.

Котелок на хер повесил,

А из жопы дым валил.

Мужики и бабы схватились за животы от хохота.

Ванька подождал, пока стихнет хохот, и продолжил:

Вышел милый на крыльцо

Почесать себе яйцо.

Сунул руку – нет яйца.

Так и ебнулся с крыльца.

Тут даже князь затрясся от смеха, а у некоторых баб потекли слезы.

На этом представление кончилось.

Князь остался доволен, хвалил. А Ваньке велел после ужина спеть еще ему лично.

Вечером Ваньку пустили в гостиную. Ванька, войдя, оро-

бел: мебель вся белая с позолотой, на столе подсвечник – три обнаженных девы сплелись в танце и держат в руках свечи, над головой люстра с хрустальными подвесками, на каминной полке часы золоченые, опять же с девами, у стены клавесин. Такой роскоши даже у Мятлева не было. А тут мужик в лаптях, онучах и с балалайкой. От робости вначале даже спел неудачно. Но вскоре пришел в себя. Пел долго, почти все свои песни спел. Князь не останавливал, слушал, сидя в кресле. Когда нужно – грустил, когда нужно – смеялся. Потом встал, протянул певцу серебряный полтинник – богатство, Ванькой невиданное – и по плечу похлопал.

Часть третья. Тать

1

Утром скоморохи покинули Ям. Шли радостные, ощущая себя богачами: семьдесят копеек в кармане (еще двадцать копеек серебром им управитель дал), а хлеб, сало и водка лежали у Архипа в мешке. Что еще людям для счастья нужно?

Бодро вышли из села. И тут им навстречу из-за поворота появился крестный ход: священник с крестом в руках и человек десять мужиков.

Шествие приблизилось. Священник поднял крест над собой:

– Изыди, дьявольское отродье!..

Мужики рванули вперед, навалились скопом на скоморо-

хов, повалили на землю. На них посыпался град ударов. Сопротивление от неожиданности оказать не успели, скрючились на земле, прикрывая руками живот и голову.

Мужики били их по-крестьянски молча и обстоятельно, с каждым ударом всё больше входя в раж. Слышалось только их усердное сопенье и стоны избитых. Затем сорвали дорожные мешки, вытряхнули содержимое, разломали все, что смогли, схватили оружие и продукты и скрылись так же внезапно, как появились.

Окровавленные скоморохи с трудом поднялись. Вокруг валялись переломанные музыкальные инструменты и разорванные маски. И один нож поодаль, видно в спешке не заметили его нападавшие. Скоморохи, забыв о собственной боли, с тоской смотрели на остатки своих богатств.

Ванька попытался встать, но не смог, повалился.

– Ты чего? – спросил Демид. – Вставай, идти надо.

– Не могу... Голова кружится...

Архип и Афанасий подхватили Ваньку, подняли. Поддерживая его с обеих сторон, заковыляли дальше.

Ванька, волоча по земле безвольные ноги, шептал опухшими губами: – Тащится за ними горе, и с дороги не свернуть...

К ночи добрались до какой-то деревеньки. Устроились в общинном сенном сарае – нужно было вылечиться от побоев, подождать пока синяки и ссадины с лиц сойдут.

А Ванька вдруг стал бредить.

– Жар, – потрогав его лоб, сказал Демид. – Льда добудьте.

Архип сбегал к колодцу. Подход к колодцу был еще обложен тающим льдом, выломил несколько кусков, принес. Лоб Ваньки обложили льдом. Но лед не помог, Ванька продолжал метаться и бредить.

– Знахарка нужна, – сказал Архип и отправился в деревню.

Вскоре вернулся с какой-то бабой и слепой старухой. Баба несла бутылку с коричневой жидкостью.

Ванька стонал в беспамятстве.

Из тьмы возник ямской поп с крестом. Поп приблизился и, зло посмотрев на Ваньку, опустился на колени. Лицо его удлинилось, превратилась в волчью морду, лапы заскребли землю. Оборотень, ужаснулся Ванька. Оборотень ощерился, оскалил зубы и изготовился к прыжку. Затем появился другой поп, третий. Попы множились, превращались в волков, стая росла и заполнила всё пространство до горизонта. Если бежать, придется прыгать по их спинам.

Старуха ошупала лицо Ваньки.

Первый оборотень протянул к Ваньке когтистую лапу. Когти удлинились и стали рвать его голову.

– Срежьте ему когти... – стонал Ванька.

Оборотень превратился в черную старуху с пустыми глазами. Ванька догадался, что это – Смерть. А где твоя коса, спросил. Но Смерть то таяла в тумане, то вновь появлялась. Горячка, говорила она. Сильно разволновался. Сонного от-

вару ему выпить надо, уснет, и жар пройдет. Дай ему попить, милая, велела она волку.

Сейчас, ответил оборотень женским голосом и, подняв Ванькину голову, влил в рот какую-то горечь. Отравила, понял Ванька. Хотел сплюнуть, но не сумел, проглотил отраву.

Волк продолжал рвать когтями его голову. Голова пылала в огне. Боль была жуткая. Ванька хотел закричать, но губы не слушались. Внезапно боль стала стихать. Смерть оказалась не страшной, напротив – ласковой. Гладила его голову, что-то шептала. И стало темно. Только вдали еще мерцал какой-то огонек. Но вскоре и тот пропал.

– Спит, – сказала старуха. – Давайте ему отвар все время. Завтра Евдокия еще принесет.

Из записей отца Иоанна.

«Не выходит у меня из головы Ванька. Искал всюду, – и в монастырях, и в трактирах, даже у разбойного люда спрашивал, – нигде его не было, никто не видел. Значит, точно в бега подался. И не из страха перед поркой, он и дыбы не испугался. Мыслью, не захотел жить рабом бесправным, где барин может сделать с тобой, что пожелает. Вот и сбежал, проявил неповиновение. Лихим парнем оказался; из таких парней Болотники и Разины, упаси Бог, получают. А ведь дай ему волю, он бы сам русский выучил, как выучил немецкий. И механику выучил бы или медицину. Но он боярину неучем нужен, чтоб ночные горшки выносить. И чтоб

пикнуть не смел; чтоб за случайную оплошность покорно на порку шел. Потому баре своих людей с детства к покорности и приучают кнутом и пряником. Сто раз в году кнут, один раз – пряник...»

2

Неделю скоморохи провели в деревне. Из денег, благо-разумно зашитых Афанасием в исподнее, купили в деревне нитки с иглой, тряпки на заплаты, залатали рваную одежду. Вырезали из дерева новые маски и свирели. Демид хотел еще бубен сделать. Нужный обруч и бычий пузырь у бочкаря достал, а вот колокольчики достать не удалось. Не унывал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.